Опубликовано petra.org.ua (https://petra.org.ua)

Сливки

В данном разделе я публикую "сливки" – понравившиеся места и цитаты из прочитанных трудов.

Вейнингер Отто, Пол и характер

Добавить комментарий [1] Комментарии (1) [2]

"Женщина объективно всегда нага, даже в кринолине и корсете."

"Внешность — это "я" женщин. "

"Нет женщины, которая нашла бы себя в зеркале некрасивой и непривлекательной. "

"Человек только тогда является во всех отношениях самим собой, когда он любит. Этим объясняется, что многие люди, только когда они влюблены, начинают отличать собственное "я" от чужого "ты"

"Всевозможные формы, которые человек находит красивыми, представляют собою не что иное, как число попыток воплотить самое высокое с помощью эстетической функции, которая стремится все нравственное и умозрительное облечь в образы. "

"Любовь мужчины создает совершенно новую женщину вместо реально существующей"

"Не следует забывать, что красота является материальным воплощением и осуществлением нравственности, что всякая эстетика есть создание этики. "

"Всякая ненависть есть проекция низости нашей натуры на ближнего с тем, чтобы эта низость выступала перед нами в еще более ужасающей форме."

"Эротика же рассматривает женщину, как средство для достижения ценности, и духовного ребенка, продуктивности. "

"Половое влечение и любовь — оба они являются попытками реализовать свое "я". Первое хочет увековечить индивидуум путем телесного изображения, вторая — увековечить индивидуальность в ее духовном идеальном подобии. "

"Сколько самоотречения лежит в этом стремлении воплотить цель всех своих томлений в одном существе, ограниченном земной жизнью"

"Природа женщины сексуальна, но не эротична. Только любовь создает красоту. "

"Самым надежным масштабом стыдливости человека является то, насколько он часто произносит слово "прекрасный" — это объяснение в любви всей природе."

"Существуют различные племена и расы, где мужской элемент, не являясь какой-нибудь промежуточной сексуальной формой, тем не менее обнаруживает так мало сходства с идеей мужественности... Что можно сказать, например, о китайцах с их чисто женской нетребовательностью и отсутствием всяких стремлений? Здесь, без сомнения, соблазн приписать целому народу исключительную женственность особенно велик. Ведь обычай носить косу не есть же пустой каприз целой нации, а что должна означать собою скудная растительность на лице? В таком случае, как обстоит дело с неграми? Вряд ли негры выдвинули хоть одного гения. В моральном же отношении они стоят почти все так низко, что американцы, как известно, стали серьезно призадумываться, не является ли эмансипация их слишком рискованным шагом."

"Человек не может ненавидеть то, с чем у него нет никакого сходства... Этим объясняется то, что самые отъявленные антисемиты всегда находятся среди самих евреев... Одно остается бесспорным: кто ненавидит еврейскую сущность, ненавидит ее прежде всего в себе самом. Тот факт, что он безжалостно преследует все еврейское в другом человеке, есть только попытка самому таким образом освободиться от него... Ненависть есть явление проекции, как и любовь: человек ненавидит только того, кто вызывает в нем неприятные воспоминания о себе самом."

"Это поразительное опасение, для которого самой страшной мыслью

представляется возможность вымирания рода, является не только выражением крайнего неверия в индивидуальное бессмертие и в вечное существование нравственной личности. Оно не только отчаянно иррелигиозно: им доказывается собственное малодушие и неспособность жить вне стада. Кто так думает, для того земля представляется в виде толкотни и суетни людей на ее поверхности. Мысль о смерти пугает его меньше, чем мысль об одиночестве. Будь в нем сильна бессмертная в себе нравственная личность, он нашел бы в себе достаточно мужества смотреть этому выводу прямо в глаза. Этому человеку чужд страх физической смерти. Отсутствие веры в вечную жизнь он не заменит жалким суррогатом ее: уверенностью в дальнейшем существовании рода. Отрицание сексуальности убивает лишь физического человека, и только его, но с тем, чтобы дать полное существование духовному человеку. Поэтому забота о дальнейшем продолжении рода не может считаться долгом нравственности, как это многие думают. Этот взгляд насквозь проникнут бесстыдной лживостью, которая до того бьет в глаза, что я рискую показаться смешным, поставив следующий вопрос: совершал ли кто-нибудь половой акт, руководствуясь тем соображением, что он обязан предотвратить гибель человечества... Ни один человек не считает своим долгом заботиться о продолжительном существовании человеческого рода – это известно всякому, кто серьезно и искренне подумал над этим вопросом."

Н.А. Бердяев о Ф.М. Достоевском и его трудах, о папстве и любом тоталитарном режиме, о насилии над человеческой волей.

Добавить комментарий [3]

"Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем."

Матф.13:57

Поразительна слепота многих русских в отношении к своему гению: многие на вопрос о Ф.М. Достоевском в наши дни отвечают, что это был человек с

больным воображением, вообще больной психически, с чем и связана экстраординарность его романов и повестей. Я же глубоко убеждён, что гениальность способна давать такие плоды человечеству, на которые не влияет психическая болезнь гения. То есть, что гениальность проявляется, в том числе, в управлении собственной природой настолько, что приобретённые или унаследованные слабости подчиняются духу и воле гения. И вот из-за тени, которую известная болезнь бросает на творчество Достоевского, среди русских распространилось мнение, что его труды обесцениваются ей. На самом деле, это предрассудок и слабость тех, кто знаком с творчеством великого писателя лишь поверхностно. Глубокое исследование его наследия открывает нам богатый внутренний мир и наделяет исследователя такой мудростью, которую редко можно найти до сих пор в литературе нашей планеты. Для того, чтобы показать это, даю цитаты из избранных трудов Н.А. Бердяева.

Федотов В.В.

О Достоевском и его романах

"Достоевский наиболее выражает все противоречия русской природы и страстную напряженность русской проблематики. Он в молодости принадлежал к кружку Петрашевского и за это претерпел каторгу. Он пережил духовное потрясение и, по обычной терминологии, из революционера стал реакционером и обличал неправду революционного миросозерцания, атеистического социализма. Но вопрос о нем безмерно сложнее. В Достоевском осталось много революционного, он революционер духа. «Легенда о Великом Инквизиторе» — одно из самых революционных, можно даже сказать, анархических произведений мировой литературы. К русской социальной теме он не стал равнодушен, у него была своя социальная утопия, утопия теократическая, в которой Церковь поглощает целиком государство и осуществляет царство свободы и любви. Его можно было бы назвать православным социалистом. Он противник буржуазного мира, капиталистического строя и пр. Он верит, что в русском народе правда, и исповедует религиозное народничество. Теократия, в которой уже не будет государственного насилия, с Востока, из России придет. Интересно, что Достоевский сделался врагом революции и революционеров из любви к свободе, он увидал в духе революционного социализма отрицание свободы и личности. В революции свобода перерождается в рабство. Если верно то, что он говорит о революционерах-социалистах по отношению к Нечаеву и Ткачеву, то совершенно неверно по отношению к Герцену или Михайловскому. Он предвидит русский коммунизм и противополагает ему

христианское решение социальной темы. Он не принимает искушения превращения камней в хлеб, не принимает решения проблемы хлеба через отречение от свободы духа. Антихристово начало для него есть отречение от свободы духа. Он видит это одинаково в авторитарном христианстве и в авторитарном социализме. Он не хочет всемирного соединения посредством насилия. Его ужаснула перспектива превращения человеческого общества в муравейник. «Горы сравнять — хорошая мысль». Это Шигалев и Петр Верховенский. Это принудительная организация человеческого счастья. «Выходя из безграничной свободы, — говорит Шигалев, — я заключаю безграничным деспотизмом». Никаких демократических свобод не будет. В профетической «Легенде о Великом Инквизиторе» есть гениальное прозрение не только об авторитарном католичестве, но и об авторитарном коммунизме и фашизме, о всех тоталитарных режимах. И это верно относительно исторических теократии прошлого. «Легенда о Великом Инквизиторе» и многие места в «Бесах» могут быть истолкованы главным образом как направленные против католичества и революционного социализма. Но в действительности тема шире и глубже. Это есть тема о царстве кесаря, об отвержении искушения царством мира сего. Все царства мира сего, все царства кесаря, старые монархические царства и новые социалистические и фашистские царства основаны на принуждении и на отрицании свободы духа. Достоевский, в сущности, религиозный анархист, и в этом он очень русский. Вопрос о социализме, русский вопрос об устройстве человечества по новому штату есть религиозный вопрос, вопрос о Боге и бессмертии. Социальная тема оставалась в России религиозной темой и при атеистическом сознании. «Русские мальчики», атеисты, социалисты и анархисты — явление русского духа. Это очень глубоко понимал Достоевский. И тем более странно, что он иногда так несправедливо, почти озлобленно писал об этих русских мальчиках, особенно в «Бесах». Он многое очень глубоко понял и прозрел, увидал духовную подпочву явлений, которые на поверхности представлялись лишь социальными.. Но временами он срывался, в «Дневнике писателя» он высказывал очень банальные консервативные политические взгляды. Многое в «Дневнике писателя» совсем не соответствует духовной глубине его романов. Достоевского очень волновала утопия земного рая. Сон Версилова и еще более гениальный сон смешного человека посвящены этой теме. Возможны три решения вопроса о мировой гармонии, о рае, об окончательном торжестве добра: 1) гармония, рай, жизнь в добре без свободы избрания, без мировой трагедии, без страданий, но и без творческого труда; 2) гармония, рай, жизнь в добре на вершине земной истории, купленная ценой неисчислимых страданий и слез всех обреченных на смерть человеческих поколений, превращенных в

средство для грядущих счастливцев; 3) гармония, рай, жизнь в добре, к которым придет человек через свободу и страдание в плане, в который войдут все когда-либо жившие и страдавшие, т. е. в Царстве Божием. Достоевский отвергает первые два решения вопроса о мировой гармонии и рае и приемлет только третье решение. Диалектика Ив. Карамазова сложна, и не всегда легко понять, на чьей стороне сам Достоевский. Думаю, что он наполовину был на стороне Ив. Карамазова. У Достоевского было сложное отношение к злу, которое многим может казаться соблазном. С одной стороны, зло есть зло, должно быть обличено и должно сгореть. Но с другой стороны, зло есть духовный опыт человека, путь человека. В своем пути человек может быть обогащен опытом зла. Но нужно это как следует понять. Обогащает не самое зло, обогащает та духовная сила, которая пробуждается для преодоления зла Человек, который скажет: «Отдамся злу для обогащения», никогда не обогащается, он погибает. Но зло есть испытание свободы человека, В истории, в социальной жизни мы видим то же самое. Есть как бы закон диалектического развития, согласно которому дурное, злое в известный период не уничтожается, а преодолевается (Aufhebung), и в преодоление входит все положительное предшествующего периода. Достоевский наводит на эти мысли. Он раскрывает метафизическую глубину русской темы о социальной правде. "

Н.А. Бердяев, Русская идея, 160-163

"В романах Достоевского нет ничего, кроме человека и человеческих отношений. Это должно быть ясно для всякого, кто вчитывался в эти захватывающие дух антропологические трактаты. Все герои Достоевского только и делают, что ходят друг к другу, разговаривают друг с другом, вовлекаются в притягивающую бездну трагических человеческих судеб. Единственное серьезное жизненное дело людей Достоевского есть их взаимоотношения, их страстные притяжения и отталкивания. Никакого другого "дела", никакого другого жизненного строительства в этом огромном и бесконечно разнообразном человеческом царстве найти нельзя. Всегда образуется какой-нибудь человеческий центр, какая-нибудь центральная человеческая страсть, и все вращается, кружится вокруг этой оси. Образуется вихрь страстных человеческих соотношений, и в этот вихрь вовлекаются все, все в исступлении каком-то вертятся. Вихрь страстной, огненной человеческой природы влечет в таинственную, загадочную, бездонную глубину этой природы. Там раскрывает Достоевский человеческую бесконечность, бездонность человеческой природы. Но и в самой глубине, на самом дне, в бездне остается человек, не исчезает его

образ и лик. Возьмем любой из романов Достоевского. В каждом из них раскрывается страстное, идущее в неизъяснимую глубь человеческое царство, которым все исчерпывается. В человеке раскрывается бесконечность и бездонность, но ничего нет, кроме человека, ничто не интересно, кроме человеческого. Вот "Подросток", одно из самых гениальных и недостаточно еще оцененных творений Достоевского. Все вращается вокруг образа Версилова, все насыщено страстным к нему отношением, человеческим притяжением и отталкиванием от него. Рассказ ведется от подростка, незаконного сына Версилова. Никто не занимается никаким делом, никто не имеет прочного органического места в бытовом строе жизни, все выбиты из колеи, из путей жизнеустроения, все в истерике и исступлении. И все-таки чувствуется, что все делают какое-то огромное дело, бесконечно серьезное, решают очень важные задачи. Что же это за дела, что это за задачи? О чем хлопочет подросток с утра до вечера, куда спешит, почему не имеет ни минуты передышки и отдыха? В обычном смысле слова подросток — совершенный бездельник, как и отец его Версилов, как и все почти действующие лица в романах Достоевского. И все-таки Достоевский дает чувство того, что делается важное, серьезное, божеское дело. Человек для Достоевского выше всякого дела, он сам и есть дело. Поставлена жизненная загадка о Версилове, о человеке, о его судьбе, о божественном образе в нем. Разрешение этой загадки есть великое дело, величайшее из дел. Подросток хочет раскрыть тайну Версилова. Тайна эта скрыта в глубине человека. Все чувствуют значительность Версилова, все поражены противоречиями его природы, всем бросается в глаза что-то глубоко иррациональное в его характере и в его жизни. Загадка сложного, противоречивого, иррационального характера Версилова с его странной судьбой, загадка необыкновенного человека есть для него загадка о человеке вообще. Вся сложная фабула, сложная интрига романа есть лишь способ раскрытия человека Версилова, открытия о сложной человеческой природе, об антиномических ее страстях. Тайна природы человеческой всего более раскрывается в отношениях мужчины и женщины. И вот о любви удалось Достоевскому открыть что-то небывалое в русской и всемирной литературе, у него была огненная мысль о любви. Любовь Версилова к Катерине Николаевне вовлекает в стихию такой огненной страсти, какой нигде и никогда не бывало. Эта огненная страсть схоронена под внешним обличием спокойствия. Временами кажется, что Версилов — потухший вулкан. Но тем острее врезывается в нас образ версиловской любви. Достоевский вскрывает противоречие, полярность и антиномичность в самой природе огненной страсти. Самая сильная любовь неосуществима на земле, она безнадежна, безысходно трагична, она рождает смерть и

истребление. Достоевский не любит брать человека в устойчивом строе этого мира. Он всегда показывает нам человека в безысходном трагизме, в противоречиях, идущих до самой глубины. Таков высший тип человека, явленный Достоевским."

"В "Идиоте", быть может, художественно самом совершенном творении Достоевского, все также исчерпывается миром огненных человеческих отношений. Князь Мышкин приезжает в Петербург и сразу же попадает в раскаленную, экстатическую атмосферу людских отношений, которая его целиком захватывает и в которую он сам вносит свои тихие экстазы, вызывающие бурные вихри. Образ Мышкина — настоящее откровение христианского дионисизма. Мышкин ничего не делает, как и все герои Достоевского, он не занят строительством жизни. Огромная и сердечная жизненная задача, которая предстала перед ним, когда он попал в вихрь человеческих отношений, — это вещее проникновение в судьбу всякого человека, и прежде всего двух женщин — Настасий Филипповны и Аглаи. В "Подростке" все заняты одним человеком — Версиловым. В "Идиоте" один человек — Мышкин — занят всеми. И там и здесь исключительная погруженность в разгадывание человеческих судеб. Антиномическая, двоящаяся природа человеческой любви раскрывается в "Идиоте" до самой глубины. Мышкин любит разной любовью и Настасию Филипповну и Аглаю, и любовь эта не может привести ни к каким осуществлениям. Сразу же чувствуется, что любовь к Настасии Филипповне бесконечно трагична и влечет к гибели. И Достоевский раскрывает тут природу человеческой любви и судьбу ее в этом мире. Это — не частное и случайное повествование, а антропологическое знание, полученное через экстатическое погружение человека в огненную, раскаленную атмосферу, выявляющую глубину. Страстная, огненная связь существует между Мышкиным и Рогожиным. Достоевский понял, что любовь к одной женщине не только разъединяет людей, но и соединяет их, сковывает. По-другому, в других тонах эта связанность, скованность изображена в "Вечном муже", одном из гениальнейших произведений Достоевского. В "Идиоте" очень ясно видно, что Достоевского совершенно не интересовал объективный строй жизни, природной и общественной, не интересовал эпический быт, статика жизненных форм, достижений и ценности жизнеустроения, семейного, общественного, культурного. Его интересовали лишь гениальные эксперименты над человеческой природой. Все остается у него в глубине, не в том плане, где строится выявленная жизнь, а в совершенно ином измерении.

В "Бесах" все сосредоточено вокруг Ставрогина, как в "Подростке" вокруг Версилова. Определить отношение к Ставрогину, разгадать его характер и его судьбу есть единственное жизненное дело, вокруг которого сосредоточивается действие. Все тянется к нему, как к солнцу, все исходит от него и к нему возвращается, все есть лишь его судьба, его эманация, выделившееся из него беснование. Судьба человека, истощившего свои силы в безмерности своих стремлений, — вот тема "Бесов". То лицо, от которого ведется рассказ, исключительно поглощено миром человеческих страстей и человеческого беснования, круговращающегося вокруг Ставрогина. И в "Бесах" нет никакого достижения ценностей, никакого строительства, нет никакой органически осуществляемой жизни. Все та же загадка о человеке и страстная жажда разгадать ее. Нас вовлекают в огненный поток, и в потоке этом расплавляются и сгорают все застывшие оболочки, все устойчивые формы, все охлажденные и установившиеся бытовые уклады, мешающие откровению о человеке, о его глубине, о его идущих в самую глубь противоречиях. Глубина человека всегда оказывается у Достоевского невыраженной, невыявленной, неосуществленной и неосуществимой до конца. Раскрытие глубины человека всегда влечет к катастрофе, за грани и пределы благообразной жизни этого мира. В "Преступлении и наказании" нет ничего, кроме раскрытия внутренней жизни человека, его экспериментирования над собственной природой и природой человеческой вообще, кроме исследования всех возможностей и невозможностей, заложенных в человеке. Но антропологическое исследование в "Преступлении и наказании" ведется иначе, чем в других романах, в нем нет такой напряженной страстности человеческих отношений, нет такого раскрытия единого человеческого лица через человеческую множественность. Более всех произведений Достоевского "Преступление и наказание" напоминает опыт новой науки о человеке."

"Творчество Достоевского полно не только откровений о человеческой природе вообще, но и особых откровений о природе русского человека, о русской душе. В этом никто не может с ним сравниться. Он проник в глубочайшую метафизику русского духа. Достоевский раскрыл полярность русского духа как глубочайшую его особенность. Как отличается в этом русский дух от монизма духа германского! Когда германец погружается в глубину своего духа, он в глубине находит божественность, все полярности и противоречия снимаются. И потому это так, что для германца в глубине снимается человек, человек существует лишь на периферии, лишь в явлении, а не в сущности. Русский человек более противоречив и

антиномичен, чем западный, в нем соединяется душа Азии и душа Европы, Восток и Запад. Это раскрывает великие возможности для русского человека. Человек был менее раскрыт и менее активен в России, чем на Западе, но он сложнее и богаче в своей глубине, во внутренней своей жизни. Природа человека, человеческой души должна более всего раскрыться в России. В России возможна новая религиозная антропология. Отщепенство, скитальчество и странничество — русские черты. Западный человек почвеннее, он более верен традициям и более подчинен нормам. Широк русский человек. Ширь, необъятность, безграничность — не только материальное свойство русской природы, но и ее метафизическое, духовное свойство, ее внутреннее измерение. Достоевский раскрыл жуткую, огненно-страстную русскую стихию, которая была скрыта от Толстого и от писателей-народников. Он художественно раскрыл в культурном, интеллигентном слое ту же жуткую, сладострастную стихию, в народном нашем слое выразившуюся в хлыстовстве. Эта оргийно-экстатическая стихия жила в самом Достоевском, и он был до глубины русским в этой стихии. Он исследовал метафизическую истерию русского духа. Истерия эта есть неоформленность русского духа, неподчиненность пределу и норме. Достоевский открыл, что русский человек всегда нуждается в пощаде и сам щадит. В строе западной жизни есть беспощадность, связанная с подчиненностью человека дисциплине и норме. И русский человек человечнее западного человека. С тем, что раскрыл Достоевский о природе русского человека, связаны и величайшие возможности и величайшие опасности. Дух все еще не овладел душевной стихией в русском человеке. В России человеческая природа менее активна, чем на Западе, но в России заложены большие человеческие богатства, большие человеческие возможности, чем в размеренной и ограниченной Европе. И русскую идею видел Достоевский во "всечеловечности" русского человека, в его бесконечной шири и бесконечных возможностях. Достоевский весь состоит из противоречий, как и душа России. Выход, который чувствуется при чтении Достоевского, есть выход гностических откровений о человеке. Он создал небывалый тип художественно-гностической антропологии, свой метод вовлечения в глубь человеческого духа через экстатический вихрь. Но экстатические вихри Достоевского духовны и потому никогда не распыляют они образ человека. Один Достоевский не боялся, что в экстазе и беспредельности исчезнет человек. Пределы и формы человеческой личности всегда связывали с аполлонизмом. У одного Достоевского форма человека, его вечный образ остается и в духовном дионисизме. Даже преступление не уничтожает у него человека. И не страшна у него смерть, ибо вечность всегда у него раскрывается в человеке. Он — художник не той

безликой бездны, в которой нет образа человека, а бездны человеческой, человеческой бездонности. В этом он величайший в мире писатель, мировой гений, каких было всего несколько в истории, величайший ум. Этот великий ум весь был в действенно-активном отношении к человеку, он раскрывал иные миры через человека. Достоевский таков, какова Россия, со всей ее тьмой и светом. И он — самый большой вклад России в духовную жизнь всего мира. Достоевский — самый христианский писатель потому, что в центре у него стоит человек, человеческая любовь и откровения человеческой души. Он весь — откровение сердца бытия человеческого, сердца Иисусова."

Н.А. Бердяев, Откровение о человеке в творчестве Достоевского

О папстве и любой тоталитарной системе, претендующей на власть над человеческими душами – об антихристианстве

"Тем же методом имманентной диалектики раскрывает Достоевский божественные основы человека, образ Божий в человеке, в силу чего не "все дозволено". Эта тема о том, все ли дозволено, т. е. каковы границы и возможности человеческой природы, упорно интересовала Достоевского, и он вечно к ней возвращается. Это — тема Раскольникова и Ивана Карамазова. Ни Раскольников, человек мысли и действий, ни Иван Карамазов, исключительно человек мысли, не могли переступить границу, они всей трагедией своей жизни отвергают, что все дозволено. Но почему же не дозволено? Можно ли сказать, что они испугались стоящего над ними закона, нормы? Можно ли сказать, что они испугались, почувствовали себя обыкновенными людьми? Антропологическая диалектика Достоевского ведется иначе. Из бесконечной ценности всякой человеческой души, хотя бы самой последней, всякой человеческой личности выводит он, что не все позволено, не позволено попирание человеческого лица, обращение его в простое средство. Сужение объема возможностей вытекает у него из бесконечного расширения объема возможностей всякой человеческой души. Преступное посягательство на человека есть посягательство на бесконечность, на бесконечные возможности. Достоевский всегда утверждает бесконечную, божественную ценность человеческой души, человеческой личности против всяких посягательств, одинаково как против преступления, так и против теории прогресса. Это — какое-то исступленное чувство личности и личной судьбы. Принято думать, что Достоевского всю жизнь более всего мучил вопрос о бессмертии души. Но вопрос о бессмертии

и был для него вопросом о природе человека и о человеческой судьбе. Это — интерес антропологический. Не только вопрос о бессмертии, но и вопрос о Боге подчинен у Достоевского вопросу о человеке и его вечной судьбе. Бог у него раскрывается в глубине человека и через человека. Бог и бессмертие раскрываются через любовь людей, отношение человека к человеку. Но сам человек страшно повышен у него в ранге, вознесен на небывалую высоту. Слезинка ребенка, плач дитё — все это вопрос о человеческой судьбе, поставленный любовью. Из-за судьбы человека в этом мире готов был Достоевский не принять мира Божьего. Вся диалектика Ивана Карамазова, как и других его героев, — его собственная диалектика. Но у самого Достоевского все сложнее и богаче, чем у его героев, он знает больше их. Главное у Достоевского нужно искать не в смирении ("смирись, гордый человек"), не в сознании греха, а в тайне человека, в свободе. У Л. Толстого человек — подзаконен. У Достоевского человек — в благодати, в свободе.

Вершины своего сознания Достоевский достигает в "Легенде о Великом Инквизиторе". Тут завершаются его антропологические откровения, и проблема человека ставится в новом религиозном свете. В "Записках из подполья" человек был признан существом иррациональным, проблематическим, полным противоречий, наделенным жаждой произвола и потребностью в страдании. Но там это была лишь усложненная и утонченная психология. Не было дано еще религиозной антропологии. Она раскрылась лишь в легенде, рассказанной Иваном Карамазовым. Она стала возможной лишь после длинного и трагического пути, пройденного человеком в "Преступлении и наказании", "Идиоте", "Бесах", "Подростке". И очень знаменательно, что величайшие свои откровения Достоевский поведал через Ивана Карамазова, он облек их не в форму идеологической проповеди, а в прикровенную форму "фантазии", в которой что-то последнее просвечивает, но остается прикровенным. До конца остается что-то двоящееся, допускающее противоположные истолкования, для многих почти двусмысленное. И все же прав Алеша, когда он восклицает Ивану: "Поэма твоя есть хвала Иисусу". Да, величайшая хвала, которая когда-либо была произнесена на человеческом языке. Католическая обстановка и обличье поэмы не существенны. И можно совершенно отрешиться от полемики против католичества. В поэме этой Достоевский вплотную сдвигает свою тайну о человеке с тайной о Христе. Человеку дороже всего его свобода, и свобода человека дороже всего Христу. Великий Инквизитор говорит: "Свобода их веры Тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не Ты ли так часто тогда говорил: "Хочу сделать вас свободными"..." Великий Инквизитор хочет сделать людей счастливыми,

устроенными и успокоенными, он выступает носителем вечного начала человеческого благополучия и устроения. Он ставит в заслугу себе и своим, что наконец-то они побороли свободу, и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми... Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? И Великий Инквизитор говорит с укором Тому, кто явился носителем бесконечной свободы человеческого духа: "Ты отверг единственный путь, которым можно было сделать людей счастливыми". "Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!" Великий Инквизитор принимает первое искушение в пустыне — искушение хлебами, и на нем хочет основать счастье людей. "Свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе не мыслимы". Люди "убедятся, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб небесный, но может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным?" И Великий Инквизитор обвиняет Христа в аристократизме, в пренебрежении "миллионами, многочисленными, как песок морской, слабыми". Он восклицает: "Или тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных?" "Нет, нам дороги и слабые". Христос отверг первое искушение "во имя свободы, которую поставил выше всего". "Вместо того чтобы овладеть свободой людей, Ты увеличил им ее еще больше!.. Ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе... Вместо того чтоб овладеть человеческой свободой, Ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека вовеки. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою. Вместо твердого древнего закона, свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою". "Ты не сошел с креста потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом, и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут Ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники". "Столь уважая человека. Ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал... Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его". "Ты можешь с гордостью указать на этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их

во имя Твое. Но вспомни, что их было всего только несколько тысяч, да и то богов, а остальные? И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил Ты лишь к избранным и для избранных?" И Великий Инквизитор восклицает: "Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна!" И он рисует картину счастья и успокоения миллионов слабых существ, лишенных свободы. И он говорит в конце: "Я ушел от гордых и воротился к смертным для счастья этих смертных". В свое оправдание он указывает "на тысячи миллионов счастливых младенцев".

В этой гениальной метафизической поэме, быть может, величайшей из всего написанного людьми, Достоевский раскрывает борьбу двух мировых начал — Христова и антихристова, свободы и принуждения. Говорит все время Великий Инквизитор, враг свободы, презирающий человека, желающий осчастливить через принуждение. Но в этой отрицательной форме Достоевский раскрывает свое положительное учение о человеке, о его бесконечном достоинстве, о его бесконечной свободе. То, что в отрицательной форме было приоткрыто в "Записках из подполья", то в положительной форме открывается в этой поэме. Это — поэма о гордой, горней свободе человека, о бесконечно высоком его призвании, о бесконечных силах, заложенных в человеке. В поэму эту вложено совершенно исключительное чувство Христа. Поражает сходство духа Христова с духом Заратустры. Антихристово начало это — не Кириллов с его стремлением к человекобожеству, а Великий Инквизитор с его стремлением лишить людей свободы во имя счастья. Антихрист у Вл. Соловьева имеет черты, родственные с Великим Инквизитором. Дух Христов дорожит свободой больше счастья, дух Антихристов дорожит счастьем больше свободы. Высшее, богоподобное достоинство человека требует права на произвол и на страдание. Человек — существо трагическое, и в этом знак его принадлежности не только этому, но и иному миру. Для трагического существа, заключающего в себе бесконечность, окончательное устроение, покой и счастье на земле возможны лишь путем отречения от свободы, от образа Божьего в себе. Мысли подпольного человека претворились в новые христианские откровения, они прошли через очистительный огонь всех трагедий Достоевского. "Легенда о Великом Инквизиторе" есть откровение о человеке, поставленное в интимную связь с откровением о Христе. Это — аристократическая антропология. Антихрист может принимать разные, самые противоположные обличья, от самого католического до самого социалистического, от самого цезаристского до самого демократического. Но антихристово начало всегда есть вражда к человеку, истребление

достоинства человека. Тот ослепительный обратный свет, который падает от демонических слов Великого Инквизитора, заключает, в себе большее религиозное откровение и откровение христианское, чем поучения Заратустры, чем образ Алеши. Здесь нужно искать ключ к великим антропологическим откровениям Достоевского, к его положительной религиозной идее о человеке."

Н.А. Бердяев, Откровение о человеке в творчестве Достоевского

"В легенде о Великом Инквизиторе Достоевский имел как бы в виду нелюбимое им католичество и изобличал антихристианскую тенденцию этого уклона исторического христианства, ложь католической антропологии. Но тема знаменитой легенды гораздо шире, она универсальна, в ней дана целая философия истории и сокрыты глубочайшие пророчества о судьбе человечества... Новые религиозные истины приоткрылись в «Великом Инквизиторе», новое религиозное сознание зачинается. Это не распря истины православия с ложью католичества, это несравненно более глубокое противоположение двух начал всемирной истории» двух метафизических сил. Великий Инквизитор является и будет еще являться в истории под разными образами. Дух Великого Инквизитора жил и в католичестве, и вообще в старой исторической церкви, и в русском самодержавци, и во всяком насильственном, абсолютном государстве, и ныне переносится этот дух в позитивизм, социализм, претендующий заменить религию, строящий вавилонскую башню. Где есть опека над людьми, кажущаяся забота о их счастье и довольстве, соединенная с презрением к людям, с неверием в их высшее происхождение и высшее предназначение,— там жив дух Великого Инквизитора. Где счастье предпочитается свободе, где временное ставится выше вечности, где человеколюбие восстает против боголюбия, там — Великий Инквизитор. Где утверждают, что истина не нужна для счастья людей, где можно хорошо устроиться, не ведая смысла жизни, там — он. Где соблазняется человечество тремя искушениями дьявола — превращением камней в хлеба, внешним чудом и авторитетом, царствами мира сего, там — Великий Инквизитор. В разных, часто противоположных, образах скрывается этот дух Великого Инквизитора, это образование в мире и воплощение в истории злого начала, коренного метафизического зла: оно равно проявляется и в старой церкви, отрицавшей свободу совести и сжигавшей еретиков, поставившей авторитет выше свободы, и в позитивизме — религии человеческого самообожествления, предавшей высшую свободу за довольство, и в стихии государственности, похлонившейся кесарю и мечу

его, во всех формах государственного абсолютизма и обоготворения государства, отвергающего свободу человеческую и опекающего человека, как презренное животное, и в социализме, поскольку он отверг вечность и свободу во имя земного устроения, земной равной сытости человеческого стада.

Первые слова, с которыми Великий Инквизитор обратился к Христу, заключенному им в тюрьму, были: «Да Ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать и Сам это знаешь».

И всегда, всегда в истории, когда в жизни человечества являлся Христос со словами нездешней свободы и напоминанием о вечном предназначении человека, когда дух Его сходил на людей, Он всегда встречался людьми, владевшими жизнью, подобными словами. Великий Инквизитор в образе католичества говорит: «Все передано Тобой папе и все теперь у папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мешай до времени, по крайней мере». Государство отвечает, что все передано теперь его власти, и отвергает с озлоблением свободу во Христе. Исторические силы, вдохновляемые духом Великого Инквизитора, «исправили подвиг» Христа, делали свое дело, прикрываясь Его именем. И люди нашего времени с отвращением и злобой относятся ко всякому напоминанию о высшей свободе человека и вечном его предназначении. Дух Христов равно невыносим и охранителям старого здания — древней государственности и церковности, и строителям нового здания — социально-позитивной вавилонской башни. Великий Инквизитор, скрывающийся под этим зданием человеческим, с враждой, иногда скрытой, иногда открытой, восстает против свободы Христовой, Христова призыва к вечности. Люди хотят устроить землю без неба, человечество без Бога, жизнь без смысла ее, временность без вечности и не любят тех, которые напоминают им об окончательном предназначении человечества, о свободе абсолютной, о смысле и вечности. Люди этого Духа мешают строителям здания человеческого благополучия и успокоения. Свободные, истинные слова не нужны, нужны слова полезные, помогающие устроить дела земные.

Я представляю себе такую картину. Вот несут уже последние кирпичи для окончательного устроения царства этого мира. Камни превратились в хлеба, человеческая изобретательность совершает чудеса, осчастливливает людей, государство, в котором общество превращается в земной абсолют. А откуда-то идет человек и скажет им слово, от которого прекратится суета земного устроения: не захотят достроить здание, вспомнят о мире ином, свободу свою опять полюбят превыше счастья, по смыслу жизни затоскуют, вечности

захотят больше временного царства. Убьют, истребят этого безумного человека, распнут его во имя блага только человеческого, во имя пользы, во имя устроения и успокоения стада человеческого. Истины объективной, вечной истины, не надо людям, соблазненным царством земным, поддерживающим отпадение мировой жизни от мирового смысла, им нужна только польза, нужно знать только законы, по которым камни превращаются в хлеба, по которым совершаются чудеса техники; свобода тоже не нужна, нужно счастье и удовлетворение; и любовь не нужна, так как можно соединить людей насилием, принудить к общественности. Свободного слова, мешающего строить здание, не позволят сказать, парализуют его, если не физическими, то духовными силами. Уже плохо слышно тех, которые пробуют говорить о высшем происхождении и высшем призвании человека.

Великий Инквизитор все хитрости употребляет и единый дух его равно проявляется, как в образе консерватизма, охраняющего старые полезности, государственную крепость, устроившую некогда человеческую жизнь, так и в образе революционизма, создающего новые полезности, новую социальную крепость, в которой жизнь человеческая окончательно будет устроена на благо всем. Мы же говорим: слово истины и свободы должно быть произнесено, хотя бы от этого рухнуло все здание человеческого благополучия, пошатнулись все старые и новые устои человеческой жизни, все царства земные, хотя бы весь эмпирический мир от этого слова полетел в бездну, распался. Так говорим мы во имя абсолютного достоинства человека, веря в смысл мира, веря в вечность, и не хотим поддерживать этот мир ложью и обманом. Да и никогда, никогда не погибнет человечество, не распадется мир от слова истинного и свободного; человечество и мир спасет только это слово, только слово это поведет его к жизни вечной, полной, свободной и осмысленной. Распадается вавилонская башня, здание темницы человеческой, ограниченности знаний, мираж эмпирического мира распадется, но да будет так. Предвечная свобода человека, абсолютное достоинство его, связь с вечностью выше всякого устроения, всякого успокоения, всякого благополучия, всякого недостойного, слабого, жалкого счастья. Последней трагедии мировой жизни все равно не миновать, нужно идти ей навстречу свободно и с достоинством. Никаким позитивизмом нельзя закрыться от смысла мира, никаким социализмом — от освободительного конца мира.

В чем главные черты Великого Инквизитора в понимании Достоевского? Отвержение свободы во имя счастья людей, Бога во имя человечества. Этим соблазняет Великий Инквизитор людей, принуждает их отказаться от

свободы, отвращает их от вечности. А Христос более всего дорожил свободой, свободной любовью человека. Христос не только любил людей, но и уважал их, утверждал достоинство человека, признавал за ним способность достигнуть вечности, хотел для людей не просто счастья, а счастья достойного, согласного с высшей природой человечества, с абсолютным призванием людей. Все это ненавистно духу Великого Инквизитора, презирающего человека, отрицающего его высшую природу, его способность идти к вечности и сливаться с абсолютным, жаждущего лишить людей свободы, принудить их к жалкому унизительному счастью, устроив их в удобном здании.

И говорит Великий Инквизитор Христу, Тому, Кто чудесно вторгся в его устроенное царство, Кто напомнил о высшем, чем счастье и устроение: «...свобода их веры Тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не Ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот Ты теперь увидел этих «свободных» людей... Да, это дело нам дорого стоило,— но мы докончили, наконец, это дело, во имя Твое. Пятнадцать веков мы мучились с этой свободой, но теперь это кончено и кончено крепко... Знай, что теперь, и именно ныне, эти люди уверены более, чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем, сами же они принесли нам свободу свою и покорно, положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль Ты желал, такой ли свободы?» Великий Инквизитор «ставит в заслугу себе и своим, что, наконец-то, они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми». «Ибо теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали — Ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях,— но Ты не послушал предупреждений. Ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, Ты передал дело нам. Ты обещал, Ты утвердил своим словом, Ты дал нам право связывать и развязывать, и, уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же Ты пришел нам мешать?»

Так говорит католичество, сошедшее с пути Христова, заменившее свободу авторитетом, любовь — мучениями инквизиции, насильно спасавшее презренных «бунтовщиков». Но и в другие исторические церкви вселялся дух Великого Инквизитора, и они «побороли свободу, чтобы сделать людей счастливыми», спасали «бунтовщиков» помимо их свободы и достоинства, вступали на «путь, которым можно было устроить людей счастливыми» и который был отвергнут Христом. То же делало государство, опекавшее

бунтующее племя человеческое, отнимавшее у людей свободу во имя устроения их жизни, насиловавшее людей во имя скотоподобного счастья. По этому же пути идет за Великим Инквизитором позитивная религая человечества, социализм, желающий построить безбожную вавилонскую башню и забывающий о религиозной свободе и религиозном смысле. На новый лад хотят устроить человечество, лишив его высшего достоинства, принудить к счастью, лишив свободы. Между нарождающейся религией социализма и вырождающейся религией католичества, соблазненного царством земным,— много общего, единый дух живет в них. Эта новая религия позитивного и атеистического социализма, устроения человечества вне Бога и против Бога, верит, что со «свободой... теперь кончено и кончено крепко». И люди, которых хотят устроить и осчастливить, «уверены более, чем когда-нибудь, что свободны вполне». Забыв о своем происхождении и своем предназначении, отвергнув мечту о небе и вечности, думают, что «теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей».

Что слышат и ныне все напоминающие о религиозном смысле жизни, об абсолютном достоинстве личности, об окончательной свободе? С раздражением говорят этим людям, что они мешают заботиться о «счастье людей», бесполезными напоминаниями и отвлечениями препятствуют закончить здание человеческого благополучия, с ненавистью говорят, что «свободны вполне», свободны... от высшего смысла, от высшего достоинства, от вечности, свободны, наконец, от этой тяжелой и ответственной свободы. Во всяком довольном позитивисте наших дней сидит маленький Великий Инквизитор, в речах иных верующих социал-демократов звучат знакомые голоса маленьких великих инквизиторов, живет дух его во всех фанатиках земного устроения, земного благополучия, во всех защитниках земной крепости во что бы то ни стало.

Великий Инквизитор говорит еще: «Вместо того, чтобы овладеть свободой людей, Ты увеличил им ее еще больше! Или Ты забыл, что спокойствие или даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда — Ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе,— и это кто же: Тот, который пришел отдать за них жизнь Свою! Вместо того, чтобы овладеть людской свободой, Ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека, вовеки. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно

пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою».

Великий Инквизитор хочет снять с человека бремя свободы, последней религиозной свободы выбора, обольщает человека спокойствием. Он сулит людям счастье, но прежде всего презирает людей, так как не верит, что они в силах вынести бремя свободы, что они достойны вечности. Великий Инквизитор укоряет Христа, что Тот «поступил, как бы и не любя» людей, любит людей он, Великий Инквизитор, так как устраивает их жизнь, отвергнув для них, слабосильных и жалких, «все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного». И современная религия позитивизма и атеизма, религия человеческого самообоготворения тоже отвергает все, что есть «необычайного, гадательного и неопределенного», тоже гордится своей любовью к людям и отказывает в праве любить тем, кто напоминает о «необычайном», о высшей свободе, о сверхчеловеческом. Религая только человеческого, религия земного, ограниченного блага людей есть соблазн Великого Инквизитора, есть предательство, отказ от своей свободы и своего назначения. Люди поверили, что они станут свободными, когда признают себя продуктом необходимости. Обольщает Великий Инквизитор тремя искушениями, теми самыми искушениями, которыми соблазнял Христа дьявол в пустыне и которые отверг Христос во имя свободы, Царства Божьего и хлеба небесного.

«Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, великий дух говорил с Тобой в пустыне и нам передано в книгах, что он будто бы «искушал» Тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил Тебе в трех вопросах, и что Ты отверг, и что в книгах названо «искушениями»? А между тем, если было когда-нибудь на земле совершено настоящее, громовое чудо, то это в тот день, в день этих трех искушений... Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человечества и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. Тогда это не было еще так видно, ибо будущее было неведомо, но теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что все в этих трех вопросах до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более». Так говорил Инквизитор явившемуся к нему Христу.

Вся история христианского мира есть непрерывная борьба Христа — начала свободы, смысла, высщей природы в человеке и вечной жизни с тремя искушениями дьявола. И теперь еще, когда прошло уже не пятнадцать, а двадцать веков, все это еще недостаточно видно, и потому Легенда о

Великом Инквизиторе остается книгой пророческой. Антихрист у Вл. Соловьева тоже соблазняет людей тремя старыми искушениями: он осуществляет мечту социалистической религии о превращении камней в хлеба, дает людям равную сытость, он делает чудеса, порабощающие людей, и основывает вселенское царство земное.

II

Искушение первое

«Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в природном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся,— ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой и раскаленной пустыне? Обрати их в хлеба, и за Тобой побежит человечество, как стадо благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся им хлебы Твои. Но Ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли и сразится с Тобою и победит Тебя и все пойдут за ним, восклицая: «Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!»... На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но все же Ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей,— ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землей в катакомбах, скрывающихся, найдут нас и возопиют к нам: «Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали». И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя Твое, и солжем, что во имя Твое! О, никогда, никогда без нас они не накормят себя! Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Поймут, наконец, сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободаыми, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб

небесный, но можем ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным? И если за Тобою, во имя хлеба небесного, пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Или Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу, которой они испугались, и над ними господствовать,— так ужасно станет им под конец быть свободными!» Это самые глубокие и самые пророческие слова, сказанные о земной судьбе человечества. «В вопросе этом (первом искушении) заключалась великая тайна мира сего». «Ты отверг единственное абсолютное знамя, которое предлагалось Тебе, чтобы заставить всех преклониться пред Тобой бесспорно,— знамя хлеба земного, и отверг во имя свободы и хлеба небесного. Взгляни же, что сделал Ты далее. И все опять во имя свободы! Говорю Тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладеет свободой лишь тот, кто успокоит их совесть».

Социализм, как религия, как замена хлеба небесного хлебом земным, как построение Вавилонской башни, социализм, обоготворяющий ограниченное человечество, социализм позитивный и есть один из образов первого искушения. «Во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли и сразится с Тобою и победит Тебя». И восстали уже сторонники социальной религии и провозгласили, что Бога нет и что человечество на земле должно сделаться богом. О, конечно, в социализме есть и великая правда, так как велика ложь капиталистической и буржуазной общественности, я думаю даже, что в известном смысле нельзя не быть социалистом, это элементарная истина, и менее всего можно признать всякий социализм просто искушением дьявола; но в атмосфере социализма не нейтрального и не подчиненного религии, а претендующего быть религией, рождается это искушение и ведет не к нейтральному добру, а к конечному злу. Великий Инквизитор говорит демагогически, прикидывается демократом, другом слабых и угаетенных, любящим всех людей. Он упрекает Христа в аристократизме, в желании спасти лишь избранных, немногих, сильных. «Или Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и

сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые». Это очень важное место. Великий Инквизитор так презирает людей, так не верит в высшую природу человека, что лишь немногих считает способными пойти по пути высшего смысла жизни, завоевать вечность, не соблазниться хлебом земным, полюбив превыше всего хлеб небесный. Так презирает людей религия человеческого, так презирает людей социальная религия, желающая хлебом земным заглушить тоску по хлебу небесному. Пусть не поднимается никто на слишком высокие горы, учит ложный демократизм, пусть лучше все превратится в плоскую равнину, все уравняется в земной посредственности. Дух Великого Инквизитора подвергает сомнению право подниматься на высокие горы, возрастать, и во имя ложной, земной, а не небесной любви, во имя сострадания к людям призывает делиться своей бедностью с братьями своими, бедностью, а не богатством. Духовное богатство воспрещается. Запрещают думать о вечности, называют это эгоизмом, восхваляют лишь заботу о временном. Будьте все малы, бедны, всегда отказывайтесь от своей свободы, тогда получите хлеб земной, тогда успокоитесь, тогда будет всем благо. Так учили старые, консервативные Великие Инквизиторы, так учат и новые, прогрессивные. И человечество соблазняется, передает скорее дар свободы тем, кто успокаивает его совесть и насыщает его. «И тогда уже мы и достроим их башню». Кто эти «мы»?

О, конечно, это еще не ученики социальной религии, человеческие существа, хотя и обоготворяющие себя, но слабосильные. Великая тайна, разгаданная Достоевским, выболтанная Великим Инквизитором, в том заключается, что путь самообоготворения человеческого, путь замены хлеба небесного хлебом земным, окончательного отпадения от Бога должен привести не к тому, что все сделаются богами и титанами, а к тому, что люди опять поклонятся новому божеству, одному обоготворенному человеку, одному царю. Великий Инквизитор — это символ того духа, который окончательно воплотится не в массе человечества, а в новом боге, новом царе земном. Это тот несчастный, который сделает счастливыми миллионы младенцев, отняв у них свободу. «Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов, за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу, которой они испугались, и над ними господствовать». Эти «мы» в последнем пределе мистической диалектики превращаются в «я», в единого, в котором окончательно воплотится антихристский дух Великого Инквизитора. Вот к чему приведет эта попытка спасти всех вне Бога и против Бога, устроить землю вне неба и против неба, утвердить

человеколюбие против боголюбия, утвердить демократию против высшего призвания человечества и прав его на вечность, осчастливить людей, лишив их свободы. Позитивизм идет по этому пути в теоретическом сознании, марксистский социализм — в практическом действии. И позитивизм и марксизм в существе своем одинаково враждебны свободе совести, не любят проблематического, хотели бы принудить людей к полезному, и в сознании и в жизни создать насильственное благополучие. В прошлом шло по этому пути государство, обоготворившее себя, церковь, подменившая свободу авторитетом. Насилие, ненависть к свободе — вот сущность духа Великого Инквизитора. Проповедь любви ко всем людям, снисхождение к слабости людской — вот соблазн Великого Инквизитора. Мы же останемся с истиной Христа: истинная любовь к людям возможна лишь в Боге, лишь во имя Отца Небесного, и потому связана она с признанием высшей природы человека и высшего призвания его, с уважением к личности и ее бесконечным правам. Для Великого Инквизитора существует лишь человеческое стадо, слабость которого эксплуатируется в дьявольских целях. Для нас существует личность человеческая, свободная в своей сущности, и соборность, собирание человеческих личностей в Богочеловечестве.

Второе искушение

«Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья,— эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье и Сам подал пример тому. Когда страшный и премудрый дух поставил Тебя на вершине храма и сказал Тебе: «Если хочешь узнать, Сын ли ты Божий, то верзись вниз, ибо сказано про Того, что Ангелы подхватят и понесут Его, и не упадет и не расшибется, и узнаешь тогда, Сын ли Ты Божий, и докажешь тогда, какова вера Твоя в Отца Твоего»,— но Ты, выслушав, отверг предложение и не поддался, и не бросился вниз. О, конечно, Ты поступил тут гордо и великолепно, как Бог, но люди-то, но слабое бунтующее племя это — они-то боги ли?» «Ты не сошел с креста, когда кричали Тебе, издеваясь и дразня Тебя: «Сойди с креста и уверуем, что это Ты». Ты не сошел, потому что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника перед могуществом, раз и навсегда его ужаснувшим. Но и тут Ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками». Опять тот же упрек: Христос

хотел сделать людей свободными, хотел только свободной любви их, осудил всякое насилие, не хотел насильственного счастья людей, уважал людей, как детей небесного Отца Своего. Христос не хотел веры от чуда, веры насильственной, основанной на внешнем факте, на авторитете, подавившем людей. Сын Божий явился миру в образе Распятого, не царем и властителем, а униженным и растерзанным, чтобы человек свободно узнал своего Бога и полюбил. Чудо должно быть от веры, чудо от свободного соединения с Богом, чудо от любви. Свободная совесть в вере выше всего. В свободном избрании людьми Бога — смысл мировой истории. Великий Инквизитор вслед за искушавшим в пустыне прельщает внешними чудесами, которыми можно поработить человечество, насильственно сделать его счастливым, лишив людей достоинства детей Бога и предназначения в божественной жизни, свободную любовь подменяет авторитетом, насильственными чудесами соблазняет своих жертв; тайна, которой Великий Инквизитор хочет загипнотизировать людей, есть слепота и неведение. Чудо и тайна, на которых этот дух воздвигает свое здание, есть обман, ложь, шарлатанство и насилие. И опять Великий Инквизитор восстает против Христа во имя всех людей, во имя кажущегося демократизма. Он говорит, что воскресение во Христе уготовлено лишь немногим избранникам: «Ты можешь с гордостью указать на этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их во имя Твое. Но вспомни, что их было всего только несколько тысяч, да и то богов, а остальные? И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил Ты лишь к избранным и для избранных? Неужели мы не любили человечество, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его, хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать?» Опять выступает Великий Инквизитор в роли защитника людей, человеколюбца, демократа, опять обвиняет Христа в недостаточной любви к людям, в аристократизме, в переоценке сил человеческих. Соблазняет насильственным счастьем, проповедует веру, основанную на чуде, любовь, основанную на авторитете, успокоение и смирение, основанное на тайне. Все это мы слышим от государства, авторитетом и насилием спасающего и порабощающего, от исторической церкви, сбившейся с пути и принявшей тайну Великого Инквизитора. Это мы слышим и от позитивной религии человечества, покончившей с Богом и свободой. Строители Вавилонской башни не верят в свободное спасение людей, в свободную любовь, отвергают веру, рождающую чудеса, и потому насильствrнно спасают человечество, успокаивают его счастьем, будущим счастьем всех людей. Современный

агностицизм тоже ведь охраняет «тайну» и сокрытием смысла мировой жизни гипнотизирует и насилует людей. Восстали против Бога во имя всеобщей и равной человеческой слабости. Христос безмерно уважал личность, возносил ее на сверхчеловеческую высоту, тогда как обоготворяющие человеческое, слишком человеческое, принижают личность, не верят в ее свободное призвание. Позитивисты отрицают чудо, то чудо, что от, веры исходит, но хотят сами делать внешние чудеса и этими чудесами соблазнять человечество, на этих осчастливливающих чудесах основать свою авторитетность.

Всякое отрицание абсолютной ценности свободы совести, всякое утверждение мистической свободы по мотивам позитивным есть искушение «чудом, тайной и авторитетом» Великого Инквизитора. Отрицание той истины, что личность человеческая должна спастись свободно, свободной любовью избрать Бога, что в божественной любви и свободе — спасение человечества, есть соблазн второго искушения. Таинственные секты, те, что боятся свежего воздуха, — второе искушение. Все эти насильственные спасители людей, проповедующие как религию авторитета, так и религию человечества, одинаково не верят в силы человека, не уважают человека, и потому любовь их кажущаяся. Вера в человека, в его достоинство, в мистический смысл свободы и есть уже вера в Бога, в источник силы человека и достоинства и свободы его. Не человечества, счастливого, спокойного, устроившегося, но потерявшего свое достоинство, изменившего своему назначению, мы хотим, а свободного богочеловечества. Не чудес мы хотим, чтобы поверить, а — веры, творящей чудеса, хотим не авторитета, а — свободы, не тайны, подавляющей нас, закрепляющей нашу слепоту, а — прозрения этой тайны, осмысления жизни. Теория насильственного авторитета есть продукт неверия, она не верит в естественную мощь божественного в жизни и потому создает искусственную мощь, запугивает*. Внешний, насильственный авторитет церкви есть contradictio in adjecto*, так как сама идея церкви основана на органическом присутствии Св, Духа в соборном теле человечества, на свободном приобщении человека к этому духу.

Третье искушение

Это самое могущественное искушение, много места ему уделено в истории человечества. «Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с Тобою, а с ним, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад, как мы взяли у

него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и доныне еще не успели привести наше дело к полному окончанию». Третьим искушением, искушением царством земным, мечом Кесаря, империализмом соблазнилось католичество с его папоцезаризмом и православие с его цезарепапизмом. Предельным и страшным воплощением третьего соблазна было Римское государство, обоготворившее Кесаря, абсолютное государство, не знающее ничего выше себя, абсолютный цезаризм. Казалось, только дохристианское сознание могло допустить появление Рима и меча Кесаря, только до Христа могли образоваться восточные деспотии и могли воздавать в них божеские почести человеку. Христос отверг искушение земным царством, абсолютным государством, признал поклонение царю земному изменой Царю Небесному, но христианство в истории приспособилось к языческому государству, освятило мало-помалу абсолютное государство, унаследованное от Рима, после того как церковь перестала быть гонимой государственной властью и сделалась господствующей. Заслуги Константина Великого перед христианской церковью оказались для христианства роковыми. Сама церковь начала поддерживать Римское государство, прониклась насильственным духом государственным, начала пользоваться средствами языческого государства, занялась устройством вселенского земного царства, царства мира сего и потому оказалась «с нuм». Византия, второй Рим, воплотила идею абсолютного государства и обожествленного Кесаря, а в третьем Риме — России идея эта достигла чудовищного выражения, явила пример кощунственного надругательства над Божеской заповедью. Это могущественное начало римской государственности через католицизм перешло в современный социализм, который тоже жаждет устроить всемирное земное царство, хотя меч Кесаря влагает в руки народа, обоготворяет вместо человека-Кесаря народ-пролетариат. Третье искушение есть путь человековластия, все равно — власти одного, многих или всех, есть обоготворение государства, как окончательного соединения и устроения на земле. Власть трех искушений в многовековой истории человечества обнаруживает неспособность христианства, взятого в его ограниченности и временности, овладеть жизнью, определить пути всемирной истории. В вопросе о государстве, как и в вопросе о свободной совести и хлебе, человечество слушает не Христа, а его, искушавшего в пустыне. «Приняв этот третий совет могучего духа, Ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться, наконец, всем в бесспорный и

согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно». Христос отверг «всемирное соединение» в земном, абсолютном, себя обоготворяющем государстве, соединение мира вне Бога. Как возможно «всемирное соединение в Боге», как возможна общественность религиозная, как возможен вселенский исторический путь во Христе, а не личное только спасение,— это основной вопрос нового религиозного сознания, вопрос о теократии, о победе боговластия на земле над человековластием, над обоготворением человеческого в лице одного — Кесаря или Папы и всех — Народа. Преодоление трех искушений — вот религиозный смысл будущей истории человечества: не поклониться хлебу земному, не вручить совести своей авторитету земному, не соединяться всемирно в абсолютном государстве земном, под человеческой властью «Кесаря», кто бы ни скрывался под этим символом власти. Великий Инквизитор говорит: «...приняв мир и порфиру Кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой». Но Христос проповедовал царство Небесное, отверг землю, оторванную от Неба, человечество, оторванное от Бога. Христос не «всемирный покой» проповедовал, а всемирную борьбу для последнего освобождения и спасения мира, для раскрытия смысла мира. Всякий, поднявший «меч Кесаря», восстал уже на Христа.

Легенда о Великом Инквизиторе — самое анархическое и самое революционное из всего, что было написано людьми. Никогда еще не был произнесен такой суровый и уничтожающий суд над соблазном государственности, над империализмом, никогда еще не была с такой силой раскрыта антихристская природа земного царства и не было еще такой хвалы свободе, такого обнаружения божественности свободы, свободности Христова духа. Но это анархизм на религиозной почве, не «мистический анархизм», а теократический анархизм, это творческая революция духа, а не революционно-анархическое разрушение и распадение. Это отрицание всякого человековластия, всякого обоготворения человеческой воли, всякого устроения земли, во имя Боговластия, соединения земли с небом. И остается непонятным, как мог автор «Великого Инквизитора» защищать самодержавие, соблазниться византийской государственностью...

О, конечно, ни в позитивизме, ни в социализме, ни в зачинающейся религии земного человечества, освобожденного от вселенского смысла, нет еще той картины, которую рисует Великий Инквизитор, но путь этот есть уже его путь. Люди уже захотели, чтобы «избавили их от великой заботы и

страшных теперешних мук решения личного и свободного». Позитивизм уже избавился от этих мук, уже отверг для людей решение личное и свободное, это — одна из хитростей Великого Инквизитора. Абсолютное земное государство, вновь возрождающееся в эсхатологии социал-демократии,— другая его хитрость, «все будут счастливы». Но это предмирное, метафизическое начало зла, небытия и рабства находится в состоянии исторической текучести, дух Великого Инквизитора не имел еще окончательного и предельного воплощения, он сокрыт, его нужно разоблачать под разными масками. Люди, ныне обольщаемые духом Великого Инквизитора, это еще не «счастливые младенцы», еще не «подчинившиеся». Эти люди более всех гордятся, более всех бунтуют, обоготворяют только себя, только свое человеческое. Но обоготворение человеческого, самообоготворение человека ведет роковым образом по закону мистической диалектики к обоготворению одного сверхчеловека. Люди, плененные младенческим счастьем Великого Инквизитора, окажутся рабами, жалкими существами и ощутят потребность в окончательном подчинении. Что-то похожее мелькает уже в лицах масс, загипнотизированных самыми революционными и, по видимости, освободительным идеями. Человечество, превратившись в стадо, успокоится, перестанет кичиться, поклонится в конце Великому Инквизитору, и будет восстановлено единовластие.

Дух Великого Инквизитора готовит себе оправдание на Страшном Суде. «Я тогда встану и укажу Тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их, для счастья их, на себя, мы станем пред Тобой и скажем: «Суди нас, если можешь и смеешь». Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которою Ты благословил людей, и я готовился стать в число избранников Твоих, в число могучих и сильных с жаждой «восполнить число». Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые исправили подвиг Твой. Я ушел от гордых и возвратился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю Тебе, сбудется, и царство наше созиждется». Отказался от вечности во имя «счастья тысячи миллионов людей», счастья смиренных, всех, предпочел гордой цели «восполнить число» избранников, завоевать небо. Это оправдание уже приводится теми, которые заражены духом Великого Инквизитора, они бросают нам уже упрек, что мы забыли о «счастье» миллионов людей, об устроении «всех» на земле, они гордятся тем, что «очнулись и не захотели служить безумию». Но люди, соблазненные Великим Инквизитором, не так значительны и могущественны, как сам

Великий Инквизитор в изображении Достоевского, идеальный и трагический тип; все эти современные люди не были в пустыне и не благословляли свободы. Наша эпоха не создает титанов, не найти в ней и Великого Инквизитора в одном образе привлекательного по иным чертам своим «страдальца, мучимого великой скорбью и любящего человечество»; но маленькими великими инквизиторами полон наш мир. «Кто знает, может быть, этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество, существует и теперь в виде целого сонма многих таковых единых стариков и не случайно вовсе, а существует, как согласие, как тайный союз, давно уже устроенный для хранения тайны, для хранения ее от несчастных и малосильных людей, с тем чтобы сделать их счастливыми».

Охранение тайны, сокрытие смысла жизни во имя счастья людей, во имя построения для них здания — вот глубокая тенденция, проявляющаяся на разных концах современной культуры. Государственники старые, консервативные, и государственники новые, революционные, агностики старой церкви авторитета и новой церкви позитивизма, охранители старой вавилонской башни и строители новой одинаково хотят скрыть от людей истину о смысле мироздания, так как боятся результатов этого раскрытия, боятся слова, которое может разрушить их строение. Если в оккультизме есть что-нибудь серьезное, то это все тот же соблазн Великого Инквизитора, сокрытие тайны и руководительство миллионом младенцев. Новое религиозное сознание отвечает всем малым и великим инквизиторам мира: раскрытие людям тайны о смысле вещей, раскрытие истины абсолютной и вечной выше всего в мире, выше счастья людей, выше всякого здания для человечества, выше спокойствия, выше хлеба земного, выше государства, выше самой жизни в этом мире. Миру должно быть поведано слово истины, объективная правда должна раскрыться, чего бы это ни стоило, и тогда человечество не погибнет, а спасется для вечности, какие бы временные страдания оно ни претерпело. Люди — не бессмысленное стадо, не слабосильные, презренные животные, которые не могли бы вынести тяжести раскрытия тайны, люди — дети Божьи, им уготовано божественное назначение, они в силах вынести тяжесть свободы и могут вместить мировой смысл. Личность человеческая имеет абсолютное значение, в ней вмещаются абсолютные ценности, и путем религиозной свободы она осуществит свое абсолютное призвание. По презрению к личности, по неуважению к ее бесконечным правам, по страсти опекать человека и лишать его свободы и чести, соблазнив счастьем и спокойствием,— узнается дух Великого Инквизитора. Любовь к человеку не есть опека над ним, управление и властвование человеком, как не есть жалость; любовь не

совместима с презрением и неверием в человека; любовь есть соединение и слияние с родным по духу, не одинаковым, но равным по достоинству и призванию, трансцендентное влечение к близкой природе, в которую веришь и которую почитаешь в Едином Отце. По свободе и любви, по свободной любви, соединению людей в Боге, узнается Дух, противоположный Великому Инквизитору.

Есть зло элементарное, первичное, есть исходная в истории мира порабощенность, звериность, разъединенность. Зло это постепенно отмирает, человечество освобождается от него в мировом прогрессе, но источник зла не преодолевается, не побеждается, корень остается не вырванным, так как окончательный исход и полное разрешение возможны лишь в процессе сверхисторическом и сверхчеловеческом. Метафизическое зло перевоплощается в новых формах, является в образах менее звероподобных, рабских и хаотически разъединенных. Кажущаяся, призрачная человечность, освобожденность и соединенность людей прикрывает зло будущего, зло сложное и окончательное, не так для нас видимое, как зло зверски первобытное. Окончательное, самое соблазнительное зло должно иметь обличье добра... Злое, звериное в абсолютном, насильственном государстве видно всякому зрячему, зло прошлого обнажено, раскрыто и доживает последние дни... В грядущем не будет уже терзать человеческую личность деспотическое государство, не будет уже таких жестокостей, убийств и грабежей, не будут вбивать в головы людей гвозди, как это случилось, к позору человечества, в XX веке в белостокском погроме. Длинный еще предстоит путь освобождения от изначального зла, на пути этом человечество подвергнется соблазну зла более утонченного, зла конечного.

У Великого Инквизитора Достоевского оболочка средневековая, он сжигает на кострах, и это еще первоначальное зверство, зло элементарное, но дух его речей пропитан уже злом конечным, злом последним. Есть старый авторитет, порабощавший свободную совесть, но идет авторитет новый, который поработит ее окончательно, есть старый Меч Кесаря, жестокий до зверства, насиловавший, но идет новый Меч Кесаря, обожествление государства будущего, счастливого муравейника, в котором окончательно люди лишены будут свободы и приведены к небытию. Со злом прошлого, злом начальным и злом будущего, злом конечным, со зверством первобытным и зверством грядущим нужно равно бороться, должно открывать истину, искать смысл, чтобы идти по пути абсолютного добра, свободы, ничем не соблазненной, идти к бытию окончательному и вечному.

Вот почему мы так много будем говорить о духе Великого Инквизитора, так разделяем будущее человечество. Мы указывали уже на два начала всемирной истории: свобода выше счастья, боголюбие выше человеколюбия, и последнее лишь из первого выводимо, хлеб небесный выше хлеба земного, и последний лишь из первого выводим, свобода совести выше авторитета, смысл бытия выше самого факта бытия, и последний из первого выводим. Отвергнуть соблазны Великого Инквизитора, князя мира сего и царства его,— наша руководящая нить. Мы хотим решить проблему хлеба земного, не соблазнившись им, не отвергнув во имя его хлеба небесного, проблему богопоклонения, не соблазнившись авторитетом и чудесами внешними, не отказавшись от свободы совести, проблему соединения людей, общественной гармонии, не соблазнившись Мечом Кесаря и царствами этого мира, сохранив свободу личности...

Великий Инквизитор совершает хулу на Святого Духа, и богоборчество его есть окончательная нелюбовь к Богу. Отвращение к Христу скрыто в метафизической глубине его сердца. Вслед за ним совершают эту хулу многие говорящие «Господи, Господи», с именем Христа на устах распинающие Христа. Официальные служители церкви, современные книжники и фарисеи, черные первосвященники, благословляющие преступления этого мира, если они совершаются власть имущими, бюрократические клерикалы вроде Победоносцева, все эти маленькие инквизиторы — агенты Великого Инквизитора, отвратились в сердце своем от Христа и совершают надругательство над Духом. Как благочестив по сравнению с ними, как близок к Христу был Ницше и другие богоборцы; язычник Гёте спасался в Духе, так как не совершал на Него хулы. А, с другой стороны, в личности Карла Маркса была гораздо большая привязанность к злому началу, гораздо большая любовь к миру небожескому и противобожескому, чем у Байрона, Ницше, Ивана Карамазова и другах богоборцев. Маркс верил только в творческую силу зла, добро из зла для него рождалось, и «злым» путем жаждал он устроить земное человечество, осчастливить его, лишив свободы выбора, религиозной свободы совести. Совсем как Победоносцев, который тоже верил только в «злой» путь, путь насилия и ненависти и хотел насильственно спасти человечество, создать принудительное счастье, отвергнув свободные дары Святого Духа. Принудить человечество насильственно к счастью, создать добрую гармонию путем злого антагонизма, вражды, ненависти и распадения человечества на части, наделить людей лишь необходимой свободой — в этом весь пафос Маркса. В его личности и в духе его писаний явственно видны черты мрачного демонизма, вытекающего из метафизической его

воли, из ненависти его сердца к Богу, из привязанности к бытию временному и бессмысленному и жажды сделать это бытие сильным, божественно-мощным. У Маркса была вражда к вечности, у таких демонистов, как Байрон или Ницше, была тоска по вечности. Вот почему в Марксе и марксизме я вижу черты Великого Инквизитора, и нет этих черт у Ницше, нет у Байрона, нет у самого Ивана Карамазова, рассказавшего Легенду о Великом Инквизиторе — хвалу Христу. Атеизм вдохновлял Маркса, составлял душу его системы земного устроения человечества. Маркс заимствовал этот атеизм у Фейербаха, но в нем нет своеобразной религиозности последнего. Атеизм Маркса не есть мука и тоска, а злобная радость, что Бога нет, что от Бога, наконец, отделались и «стало возможно в первый раз помыслить о счастье людей». Презрение Маркса к людям, к человеческой личности не имеет пределов, для него не существует человек с внутренним его миром, не имеет никакой ценности личность, хотя благо и счастье человечества (пролетариата, ставшего человечеством), устроение его по законам необходимости — сделалось его мечтой. Великий Инквизитор в Марксе так же презирает личность, как и Великий Инквизитор в абсолютном цезаризме, в государственном или церковном деспотизме. О, конечно, Маркс взял «меч Кесаря». Марксисты же часто бывают невинными детьми, очень благонамеренными и не ведающими еще духа своего учителя.

Демонизм является в двух, по видимости противоположных, формах: в форме обоготворения личности, безграничного утверждения ее, и в форме презрения к личности, безграничного отрицания ее. Но обе формы демонизма сходятся и в поеледнем счете одинаково покоятся на безличности, на отрицании абсолютного значения и предназначения личности. Одна личность обоготворяется, других превращает в средство, но от этого сама перестает быть личностью, попадает во власть безличной силы. Соблазн окончательного демонизма, мистически злого (не того, что есть не раскрытая еще сознанию сторона Божества) есть соблазн небытия, есть обман и ложь. Глубочайшая трансцендентно-психологическая основа поистине безбожного демонизма есть рабство, бунт раба, не знающего обязанностей благородства, злобствующего против безмерно великого. Речь идет, конечно, о рабстве духа и благородстве духа, тут социальные категории не имеют места. В противоположность Ницше, я думаю, что демонизм, а не христианство, есть мораль рабов. Бунтуют против Бога рабы Божьи, дети Божьи любят Бога. Рабья психология способна понять отношение к Богу лишь как подчинение, ей все мерещится порабощение, так как она внутренне несвободна. Рабьи чувства демонизма сказываются в том, что он так хорошо понимает и ощущает подчинение Богу и так не

понимает и не ощущает свободной любви к Богу. Ведь благоговение к высшему — прекрасно. Эта интимность свободной любви, свободного избрания самого дорогого для себя, своего же,— прямо противоположна всякому рабству, рабскому подчинению и рабскому же восстанию против того, что сделалось слишком далеким и слишком высоким. В демоническом бунте нет сознания царственного происхождения человека, есть духовное плебейство.

Обоготворяющая себя личность, отвергнувшая всякое высшее бытие, ничего, кроме себя, не признавшая, явно идет к небытию, лишает себя всякого содержания, тлеет, превращается в пустоту. Утверждать свою личность — значит наполнять ее бесконечным содержанием, впитывать в себя мировое бытие, приобщаться к бытию бесконечному. Всякое воление личности пусто, если оно не имеет своим предметом, своим объектом бытия универсального, мирового всеединства. Сделать самого себя самым сильным своим желанием, признать себя последней своей целью — значит уничтожить себя. Видеть во всем мире лишь свои субъективные состояния, признавать, подобно Максу Штирнеру, весь мир лишь своей собственностью — это значит истребить свою личность, как объективную реальность, единственную в мире. Если нет Бога, как всеединого, полного и гармонического бытия, если Бог не есть моя последняя любовь, последняя цель, обьект всех моих стремлений, не есть мое, тогда нет и моей личности, она лишается бесконечного содержания, пуста в своих стремлениях, бедна в своем одиночестве. Иметь Бога — значит быть бесконечно богатым, считать себя богом — значит сделаться бесконечно бедным. Я ничего не имею, я — пуст и бессодержателен, если свое конечное, ограниченное, временное обоготворяю, если возлюбил превыше всего свое человеческое. Поэтому «демоническое» самоутверждение личности есть самообман, за которым скрывается уничтожение личности, отрицание объективной реальности личности, скрывается безличность. Демонический индивидуализм есть прежде всего отрицание индивидуальности путем себялюбивого ее раздувания, уклон к обезличению и небытию. Смерть никогда на этом пути не побеждается. Быть личностью, индивидуальностью — значит определить свое особое предназначение в мироздании, утвердить полноту своего единственного бытия в бытии вселенском, значит питаться соками божественной жизни. Индивидуальность чахнет от самолюбивого желания занять не свое место, от неблагородного и завистливого стремления быть выше всех. Почитать себя за Бога есть потеря самого ощущения личности и идеи индивидуального назначения, в этом нет ничего индивидуального, это желание каждого раба, восставшего против

подчинения, но не способного еще к благоговению. Противополагать свою личность Богу — вот огромное недоразумение, и истекает оно из темноты сознания или темноты сердца. Искать свободы от Бога и находить ее в утверждении своей природной личности — вот что очень модно, но лишено всякого смысла. Можно искать свободы от порабощающего меня мира, от природы и закономерности, от государства и человеческого насилия, искать в Боге — источнике всякой свободы, но как искать свободы от Бога, когда моя свобода есть божественное во мне, есть знак моего божественного происхождения и божественного предназначения и противоположна только природной необходимости. Подымающийся во мне бунт против рабства, против необходимости, против связанности, подымающееся во мне личное начало, моя честь, мое достоинство и есть то, что во мне от Бога, истинный образ и подобие Божье. Моя личность есть предвечный образ мой в Боге, который я волен осуществить или загубить, есть идея (в платоновском смысле) меня в Божественном Разуме. Эта «идея» Божья есть богатое и мощное бытие, наполненное ценным содержанием. То, что я говорю здесь, есть истина, одинаково обоснованная как развитием мирового религиозного сознания, так и развитием мировой метафизики. Единый Разум в длинной своей истории раскрывал ту незыблемую истину, что Бог есть свобода, красота, любовь, смысл, все, о чем мечтает человек, чего хочет, что любит, и все это как абсолютная мощь, как сущая сила...

Признание абсолютного значения и предназначения личности, признание свободы и любви путями к спасению, мировому освобождению и мировому соединению — вот по чему узнается Дух Божий. Неуважение к личности, превращение ее в средство, предание свободы за блага временные, путь насилия вместо пути любви, поддержание мирового разъединения путем внешней свя-занности — вот по чему узнается дух Великого Инквизитора, дух дьявольский. Важная задача — освободиться от демонизма благочестивого, демонизма по отсутствию сознания, возвратить святых богоборцев к Богу, отвергнуть демонические слова для дел и переживаний недемонических. Тогда будет яснее, в чем реальное зло мира, почему оно не притягательно и не заманчиво, почему в нем нет никакого бытия, почему оно не осуществляет упований личности, а губит их окончательно!"

"Новое религиозное сознание и общественность", глава "Великий Инквизитор".

Источник: https://petra.org.ua/content/slivki

Ссылки:

[1] https://petra.org.ua/comment/reply/24#comment-form
[2] https://petra.org.ua/node/24/talk
[3] https://petra.org.ua/comment/reply/25#comment-form